

Рюриково городище: что же откопали на самом деле?

Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. *Рюриково городище. Новые этапы исследований* / – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. – (Труды ИИМК РАН; т. XLIX).

Коллективная монография трёх археологов, давно изучающих памятник, известный как «Рюриково городище», подводит итоги исследований рубежа XX-XXI вв. На данный момент это самый полный свод находок Городища – старание авторов охватить всё, что имеется, в ряде случаев приводит к повторам (одни и те же артефакты явно упомянуты неоднократно). То, что разрозненные сведения о четырёх десятилетиях раскопок оказались наконец собраны под одной обложкой, заслуживает благодарности, а добросовестность авторов выше всяких ожиданий. Рюриково городище после выхода книги больше невозможно игнорировать как археологический источник в вопросе о начальном периоде истории Руси, как невозможно и походя отрицать значение этого источника: предыдущие неудачи раскопок Н.К. Рериха и А.В. Арциховского больше не могут служить аргументом и должны быть списаны в архив.

Вместе с тем именно сведение воедино материала, ранее разбросанного по публикациям в журналах и сборниках за последнюю четверть века, и именно избыток самого этого материала, непредусмотренным образом обнажает серьёзные проблемы с его интерпретацией, которых по большей части не замечают сами авторы.

Эйфорию вызывает находка укрепленного городского поселения, с заметно выраженной скандинавской культурной окраской, с надёжными дендрохронологическими датировками, которые эффектно совпадают с княжением летописного Рюрика (с. 13, 24, 84-88 и др.). Это позволяет авторам прямо заявлять о «приходе Рюрика к истоку Волхова и строительстве им укреплений, ныне открытых раскопками» (с. 32), «устройстве Рюриком новых укреплений» (с. 33) и далее говорить о постройке крепости Рюриком из ПВЛ как установленном факте. Вот характерный пример воздействия этой эйфории. В гл. 1 Е.Н. Носов приводит ценные соображения по поводу истории топонима *Новгород* и, опираясь на давнюю догадку В.Л. Янина, вполне убедительно реконструирует исходное название Городища как **Холмгород* (отразившееся в известном по сагам именовании Новгорода *Holmgardr*, где русское *холм* было понято через народную этимологию как *holm* «остров»). Но далее Носов апеллирует к сообщению Радзивиловской летописи, согласно которому Рюрик «пришед ко Илмерю, и сруби город(о)къ над Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости», утверждая: «Это полностью топографически соответствует местоположению современного Городища (древнего Холмъгорода), отстоящего на 2 км вверх по течению реки от детинца 1044 г.» (с. 32). Заключение поистине удивительное: текст летописи не упоминает никаких топографических подробностей, кроме местоположения «над Волховом», и неизвестно даже, различал ли летописец Городище и современный ему Новгород. Данная фраза читается только в Радзивиловской летописи, её нет в других версиях ПВЛ. Если что и известно о Радзивиловской летописи достоверно, это то, что она составлялась и переписывалась не новгородцами; есть все основания полагать, что летописец XV в. или один из его предшественников просто приписал Рюрику строительство того Новгорода над Волховом, который знал сам, и скорее всего, лишь понаслышке. Вычитывать оттуда некие уникальные сведения о местоположении Рюрикова городища – значит откровенно выдавать желаемое за действительное, игнорируя все филологические данные о летописных традициях и происхождении источников, накопленные за столетие русской текстологии.

Большой энтузиазм в авторов вселяют параллели находок на Рюриковом городище с известными из шведской Бирки: название Бирки упоминается на страницах книги общим

счётом более 40 раз. Очевидно, настойчивое упоминание Бирки должно укреплять убеждённости читателя в том, что поселение на Городище – и есть резиденция летописного Рюрика. Однако эти параллели доказывают лишь скандинавский характер поселения, но никак не его связь с легендарным основателем династии. В действительности как раз избыток параллелей с Биркой, сомневаться в которых не приходится (слишком много похожих бытовых предметов, от украшений до инструментов), для концепции «здесь и жил Рюрик» убийственно. Бирка не была городом конунгов и ярлов, она была купеческим городом. То, что в XII-XIII вв. князья, несомненно, проживали на Городище, делу не помогает – для эпохи летописного Рюрика ни одного сколько-нибудь весомого признака наличия княжеской резиденции раскопки не выявляют.

Авторы книги торопятся отнести к таким признакам осколки импортной стеклянной посуды, а также единичные находки кусочков золотой проволоки и остатков золотого позумента (с. 44-46, 151-152). Очевидно, прекрасно понимая натянутость этих доказательств, они не рискуют прямо заявлять о княжеском дворе и обтекаемо говорят о «высоком социальном статусе» жителей Городища IX-X вв. – это словосочетание для вящей убедительности назойливо повторяется много раз (с. 74, 152, 248, 289). Конечно же, эти находки совершенно недостаточны для выводов о присутствии княжеского двора. Любой богатый купец эпохи викингов, когда скандинавы вели активную торговлю с Византией и исламским Востоком, мог иметь дома немного византийской и арабской стеклянной посуды и праздничный костюм с золотым позументом. Для князя требуется нечто более весомое.

Можно возразить, что, если на Городище имелись предметы княжеской роскоши, они были разграблены ещё много веков назад. Это, безусловно, так, однако существует много других признаков, позволяющих судить о статусе скандинавских поселений, и эти признаки хорошо известны и давно изучены. Так, курган из Осеберга был ограблен, но грабителей не интересовали деревянные предметы, и до нас дошёл впечатляющий набор резной деревянной мебели и повозок [Андрощук 2017]. На Рюриковом городище плохо сохраняется дерево из-за особенностей почвы, но там могли бы остаться резные изделия из кости и камня. Однако находки по этой части вполне заурядны – гребни, какие могли принадлежать любому рядовому викингу, и обломки литейных формочек для обычных бронзовых украшений. Более богатые предметы быта принадлежат в основном XII-XIII вв., а то и более позднему времени. Орнаментированные бронзовые изделия IX-X вв. с Городища также не особенно впечатляют, причём в одном случае сами авторы отмечают, что наконечник ремня «в примитивном виде ... повторяет более роскошные скандинавские аналоги» (с. 49), то есть является дешёвой имитацией. Эту проблему можно было бы также списать на элемент случайности (не сохранилось, не нашли и т.д.), если бы не куда более крупная проблема: отсутствие на Городище признаков княжеской инфраструктуры. К сожалению, авторов постоянно подводит недостаточное знакомство со скандинавским материалом, выходящим за рамки стилей орнаментов на фибулах. В частности, они умудряются совершенно проигнорировать вопрос о том, как выглядели и функционировали резиденции конунгов языческой Скандинавии.

Дворы конунгов археологически изучены во многих местах, в частности, в Лейре и Старой Уппсале – именно Старая Уппсала должна была бы в первую очередь рассматриваться как ближайший аналог Рюрикова городища: помимо того, что это административный центр восточноскандинавских конунгов, она тоже находится несколько в стороне от современного города Уппсала, как Рюриково городище относительно Новгорода. Абсолютно обязательным элементом резиденции конунгов на протяжении более чем полутысячи лет (как минимум с V по XI вв.) был так называемый «медовый зал», более известный как «длинный дом» – обширное здание длиной 50 м и больше. Хотя он происходит от фермерских домов, его функции теснейшим образом связаны с реалиями

княжеской и дружинной жизни. Центральное пространство «медового зала» с очагом – это место для пиров, приёма гостей и содержания дружины, которая укладывалась спать там же. Письменные свидетельства о том, как проходили пиршества и как использовалось пространство дома, сохранились во множестве – как в поздних источниках (исландские саги, в том числе королевский цикл «Круг Земной» Снорри Стурлусона), так и в ранних (хрестоматийная древнеанглийская поэма «Беовульф», которая описывает Данию ещё довикинговского времени). Об археологии «длинных домов» и о социальной функции пира у древних скандинавов существует обширная литература, доступная на английском языке (см. напр. [Brink 1996; Hamerow 2004: 22-26; Mikkelsen et al. 2008 etc.]; о результатах недавних раскопок в Старой Уппсале см. [Ljungkvist, Frölund 2015]). Каким-то образом все эти сведения прошли мимо авторов монографии, которые, по-видимому, не имеют даже базовых представлений о структуре и функционировании скандинавских княжеских центров. Иначе бы они обратили внимание, что ничего похожего на пиршественный зал конунга на Городище до сих пор не обнаружено.

Проблемы со знанием скандинавской социальной истории выдаёт и анализ М.В. Саблиным¹ останков лошадей на Городище. Во рву Городища найдено общим счётом 22 лошадиных черепа. Комментарий Саблина следующий:

кости лошадей, в отличие от костей парнокопытных, не несут на себе признаков расчленения для кулинарного потребления. Необходимо также отметить, что ни на одном из конских черепов нет повреждений, характерных для скорняжных работ: следовательно, с голов перед погребением шкура не снималась. Костные остатки в целом свидетельствуют об отсутствии какого-либо утилитарного подхода к тушам животных после их смерти – их не разделявали и даже не освеживали. Такая расточительность в раннем средневековье выглядит необычно: лошадиные шкуры, конина в эту эпоху представляли значительную ценность. В свете новых данных версия ритуального жертвоприношения выглядит наиболее вероятной <...> На Городище, как резиденции князей из скандинавского дома Рюрика, несомненно, должны были проводиться языческие жертвоприношения (с. 262-263).

Любой, кто хотя бы немного знаком с сагами, сочтёт вывод о жертвоприношении, сделанный из *отсутствия* следов разделки коней на мясо, по меньшей мере алогичным, поскольку кони в языческой Скандинавии IX-X вв. для того и приносились в жертву, чтобы их коллективно съесть. Совместные трапезы из жертвенного мяса и в особенности конины служили укреплению социальных связей. Главы 14-18 «Саги о Хаконе Добром», заглавный герой которой был одним из первых христианских конунгов Норвегии, в деталях описывают жертвенные пиры и разгоревшийся из-за них конфликт, когда Хакон по религиозным убеждениям отказался есть конину, а подданные сочли это оскорблением (здесь и далее пер. М.И. Стеблин-Каменского):

Осенью близко к зиме в Хладире справлялся жертвенный пир, и конунг отправился на него. Раньше у него было в обычае, когда он приходил на жертвенный пир, принимать пищу в небольшом доме вместе с немногими людьми. Но на этот раз бонды стали выражать недовольство тем, что он не сидит на своем престоле, когда пир в разгаре. Ярл сказал, что на этот раз он не должен уклоняться от того, чтобы сидеть на престоле. И конунг сел на свой престол. И когда первый кубок был налит, Сигурд ярл произнес пожелание и посвятил кубок Одину. Он испил из рога и передал его конунгу. Конунг принял рог и перекрестил его. Тогда Кар из Грютинга сказал:

– Почему конунг поступает так? Или он не хочет участвовать в жертвоприношении?

Сигурд ярл отвечает:

– Конунг поступает так, как все, кто верует в свою мощь и силу и посвящают свой кубок Тору. Он сделал знак молота над рогом, прежде чем испить.

В тот вечер все было спокойно. Но на следующий день, когда садились за столы, бонды насели на конунга, говоря, что он должен съесть конины. Конунг решительно отказался. Тогда они

¹ В приложении 2. В выходных данных книги этот автор не указан.

попросили его отпить варева из конины. Но он отказался. Тогда они попросили его съесть жира с этого варева. Но он отказался и от этого. Тут бонды стали теснить его. Но Сигурд ярл сказал, что он их помирят, и велел бондам успокоиться. Он попросил конунга разинуть рот над дужкой котла, на которой осел пар от варева из конины, так что дужка была жирная.

Тогда конунг подошел к котлу, положил платок на его дужку и разинул рот над ней. Затем он вернулся на свой престол. Но никто не остался доволен.

(гл. 17).

В первый же день на пиру бонды стали теснить конунга и понуждать к жертвоприношению, и грозились применить силу. Сигурд ярл посредничал между конунгом и бондами. В конце концов Хакон конунг съел несколько кусков конской печёнки и выпил, не осеняя их крестом, все кубки, которые ему подносили бонды.

(гл. 18).

Отказ Хакона попробовать жертвенной конины чуть не привёл в итоге к военному конфликту. Таким образом, именно поедание коней составляло княжеский языческий обряд. Предположение Саблина, что «голова коней могли попасть в ров из разрушенного жертвенного места, которое находилось на центральной площадке поселения» (с. 263), является фантазией, в пользу которой автор не приводит никаких реальных данных (в том числе о существовании самого святилища в центре поселения).

На особенности лошадиных останков Рюрикова городища уже обращалось внимание в работе И.И. Еремеева и О.Ф. Дзюбы, которая упомянута в общей библиографии, но не учтена в самом очерке Саблина [Еремеев, Дзюба 2010]. Помимо того, что Еремеев и Дзюба проводят любопытные параллели между Рюриковым городищем и поселениями викингов английского Денло [ор. cit.: 519-523], они предполагают, что туши лошадей попросту готовились к транспортировке – малоценные головы отделялись и выбрасывались [ibid.]. Разумеется, аналогии, которые привлечены этими авторами, спорны, но учесть их интерпретацию стоило бы².

Скандинависту же внушает некоторый дискомфорт и то, что известно о весьма специфической роли лошадиной головы в культуре викингов – напомним, что шест с лошадиной головой использовался для вредоносной магии, самые известные примеры которой находятся в «Саге об Эгиле» и V книге «Истории датчан» Саксона Грамматика³. Не выбрасывались ли головы коней в ров для того, чтобы ими как раз нельзя было воспользоваться в целях наведения порчи? Или, наоборот, на краю рва проводились массовые ритуалы проклятия – против кого? Это вопросы, которые заслуживают постановки.

Наконец, Рюрик должен был быть похоронен, у него должны были быть как минимум одна жена и знатные приближённые, которым тоже пришлось где-то упокоиться. Следов княжеского некрополя на Городище пока не найдено – притом, что в Гнёздово и Ладоге хорошо прослеживаются типичные погребения скандинавской знати (курганы со следами кремации в ладье). Исследователями уже отмечалось, что летописи странным образом умалчивают про погребение Рюрика, хотя могилы Вещего Олега и других последующих князей (кроме, естественно, убитого в дальнем походе Святослава) летописцам были известны. И более того, Новгородская I летопись вовсе забывает сообщить о смерти Рюрика. Объяснение может быть только одно: эти сведения к XI в. были безнадежно утрачены. Если правы В.Я. Конецкий и Л.С. Клейн, полагающие, что «святилище» в Перыни – это не что

² Благодарим Д.Н. Верхотурова за предоставленную ссылку.

³ Путаный рассказ о ритуальном проклятии с помощью жертвоприношения лошади присутствует также в «Саге о людях Озёрной долины», где почему-то насаживание лошадиной головы на шест превратилось во втыкание шеста с изображением человеческой головы в тушу лошади (явно менее правдоподобное описание). Обзор см., напр. в [Lawing 2014].

иное, как остатки скрытых при христианизации языческих курганов (курганы также имели обрядовое значение [Конецкий 1995; Клейн 2004: 154-157]), – а Е.Н. Носову близка их точка зрения (с. 19), – то некрополь Городища, видимо, располагался именно там. В таком случае он был уничтожен уже в первые годы после крещения Руси, иначе летописец XI в. застал бы старожилов, помнящих о наличии погребений. (Попутно возникают новые вопросы о наличии летописания на Руси ранее 1090-х гг. и о правдоподобии реконструкций «сводов» более раннего времени). Но если Рюрик, как полагают многие историки (см. материал О.Л. Губарева в настоящем выпуске), тождественен Рёрику Фрисландскому, о котором известно, что тот в последние годы жизни принял христианство, то какой мотив был у новокрещёных жителей Городища уничтожать его погребение? (Или же на самом деле Рюрик не покидал Ладоги и до сих пор дожидается археологов там?)

По этому случаю заметим, что гипотеза отождествления летописного Рюрика с Рёриком Фрисландским, разрабатываемая нашим постоянным автором О.Л. Губаревым в серии содержательных статей, всё же остаётся лишь гипотезой. Олег Львович собрал весомые доводы в пользу того, что варягов, давших название Руси, следует искать во фризской зоне (я бы добавила – даже в англо-фризской). Однако вопрос о том, был ли Рюрик тем самым Рёриком, от этого не проясняется. Все аргументы, накопленные нашим автором, свидетельствуют лишь о том, что это *мог* быть один и тот же человек. Но, к сожалению, не о том, что это действительно *был* он. Трудно гарантировать, что во Фризии третьей четверти IX в. был лишь один активный скандинав по имени Рёрик, и ниоткуда не следует, что Рюрик до прибытия в славянские земли носил высокий титул или вообще принадлежал к какой-либо династии монархов – даже ПВЛ (автор которой, в частности, настойчиво завышает статус Кия, заявляя, что тот был князем, а не паромщиком) нигде явно Рюрика и его братьев князьями не именуется. При всём остроумии комментария О.Л. к летописному сообщению, согласно которому Рюрик с братьями «попяша по себе всю русь» [Губарев 2016], это лишь одна из возможных интерпретаций текста, которая чрезвычайно зависима от целого ряда допущений – как относительно личности Рюрика, так и относительно того, насколько летописец знал свой материал, и полагаться на гипотетические не дошедшие до нас предания или источники, которыми он якобы мог владеть, не лучший выход. Разумеется, аргумент *ex silencio* не может служить доказательством чего бы то ни было (и здесь О.Л. совершенно прав), но обратный метод – произвольное додумывание по нашему вкусу того, о чём молчат источники – тоже вряд ли пригоден. А источники молчат слишком о многом, и в их умолчаниях есть система⁴. Возникают опасения, что на обсуждение вопроса об историческом Рюрике всё ещё влияют соображения политического престижа – а ведь именно эту претензию историки предъявляют пресловутым «антинорманистам»...

Таким образом, находки Городища вызывают больше вопросов, чем ответов, и они должны подвергнуться всестороннему критическому рассмотрению в свете письменных источников и западноевропейских параллелей. Вместо того, чтобы использовать эти находки как подпорки, любой ценой подставляемые под летописную версию истории Руси, пора провести честное сопоставление археологических данных с летописными, привлекая скандинавский материал на системном уровне. Эта задача уже назрела.

И напоследок хотелось бы пожелать переиздания книги с приличной редактурой – в ряде мест проскочили такие комические ляпы, как «антропоморфные» фигурки коней (с.

⁴ В частности, уже неоднократно отмечалось, что ранние нелетописные источники – «Память и похвала Владимиру» Иакова Мниха и «Слово о законе и благодати» Иллариона – не упоминают Рюрика, начиная отсчёт предков Владимира с Игоря. Расхожий контраргумент, согласно которому в торжественных речах было необязательно упоминать предков дальше деда, выглядит неубедительным, если Рюрик и в самом деле был Рёриком Фрисландским – в таком случае авторы церковных панегириков, центральной темой которых было крещение русских князей, не могли не упомянуть его как первого христианина в династии. Но, как уже говорилось, о христианстве Рюрика русским источникам не известно ничего. Разве только Рёрик Фрисландский, осев на Руси, тут же вернулся к язычеству, так что факт его крещения остался неизвестен славянам.

Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Рюриково городище. Новые этапы исследований / – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. – (Труды ИИМК РАН; т. XLIX).

145) и «скелет коровы в антропологическом порядке» (с. 84).

Елифёрова М.В.,
главный редактор журнала *Valla*
m.eliferova@vallajournal.com

Литература

Андрощук 2017 – Андрощук Ф.А. Осеберг: загадки королевского кургана. – Киев: Laurus, 2017.

Губарев 2016 – Губарев О.Л. «Пояша по себе всю русь»: что подразумевала эта фраза? // *Valla*. 2016. Т. 2. №3. С. 21-39.

Еремеев, Дзюба 2010 – Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. – СПб.: Нестор-История, 2010.

Клейн 2004 – Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб.: Евразия, 2004.

Конечкий 1995 – Конечкий В.Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перьни под Новгородом // *Церковная археология / Материалы первой Всерос. конф. (Псков, 20-24 ноября 1995 г.)*. – СПб.; Псков, 1995. Ч. 1. С. 80-85.

Brink 1996 – Brink, Stefan. 'Political and Social Structures in Early Scandinavia: a Settlement-Historical Pre-study of the Central Place', *Tor: meddelanden från Uppsala universitets museum för nordiska fornsaker*. 1996. Vol. 28. Pp. 235-282.

Hamerow 2004 – Hamerow, Helena. *Early Medieval Settlements: the Archaeology of Rural Communities in Northwest Europe, AD 400-900*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Lawing 2014 – Lawing, Sean B. 'The Forest Pleas of Rockingham: A (Re) Discovered Instance of Sculptural Nið?', *European Journal of Scandinavian Studies*. 2014. Vol. 44, No. 1. Pp. 20-42.

Ljungkvist, Frölund 2015 – Ljungkvist J., Frölund P. 'Gamla Uppsala – the Emergence of a Centre and a Magnate Complex', *Journal of Archaeology and Ancient History (JAAH)*. 2015. Vol. 16. Pp. 1-29.

Mikkelsen et al. 2008 – Mikkelsen P., Moltsen A.S. and Sindbæk S.M. 'Tæbring, NW Denmark, AD 600-1100', *Acta Archaeologica*, 2008. No. 79(1). Pp. 79-109.

